

К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА

ПАНФИЛОВ В. З.

КАРЛ МАРКС И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В процессе создания К. Марксом и Ф. Энгельсом *диалектического материализма* и исторического *материализма* (концепции *материалистического* понимания истории), включая диалектико-материалистическую гносеологию, проблемы сущности, природы языка, его места среди общественных явлений, взаимоотношения языка и мышления, языка и сознания, его роли в познавательной деятельности человеческого мышления, его исторического развития и многие другие занимали большое место. Ими проводились также и исследования конкретных языковых материалов, имеющие значение как собственно лингвистическое, так и для решения многих философских вопросов¹.

Философия диалектического и исторического материализма и концепция классиков марксизма-ленинизма о языке как ее органическая составная часть представляет собой философскую основу современного советского языкознания.

«Марксизм — не догма, — пишет Ю. В. Андропов, — а живое руководство к действию, к самостоятельной работе над теми сложными задачами, которые ставит перед нами каждый новый поворот истории. И чтобы не отстать от жизни, коммунисты должны во всех направлениях двигать и обогащать учение Маркса, творчески применять на практике разработанный им метод материалистической диалектики, по праву называемой живой душой марксизма» [18].

Творческое применение марксизма-ленинизма является непременным условием успешного решения коренных проблем современного теоретического языкознания; вместе с тем это в свою очередь должно способствовать дальнейшей разработке марксистско-ленинской теории познания, более углубленному и конкретному исследованию категорий диалектического и исторического материализма.

При этом лингвистам, как и специалистам в других областях знания, следует иметь в виду, что «коммунистам не пристало прельщаться хлесткими фразами всевозможных „улучшателей“ Маркса, цепляться за фабрикаты буржуазной науки. Не размывать марксистско-ленинское учение, а, наоборот, бороться за его чистоту, творчески развивать его — вот путь к познанию и решению новых проблем» [18].

Марксистско-ленинская философия, включая учение классиков марксизма-ленинизма о языке, имеет также основополагающее значение для критического анализа таких течений современной буржуазной философии, как лингвистическая философия, герменевтика и экзистенциализм,

¹ Эта сторона творческого наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, а также В. И. Ленина получила освещение в ряде работ как в советском языкознании, начиная с 30-х годов [1—9], так и в некоторых исследованиях, изданных в социалистических странах в 70-е и 80-е годы [10—17]. В настоящее время группа философских проблем Института языкознания АН СССР подготавливает монографию «Классики марксизма-ленинизма о языке», включающую в себя корпус их высказываний о языковых проблемах, введение, в котором излагается их концепция языка, комментарии и справочный аппарат.

а также ряда смыкающихся с ними направлений в современном языкознании (неогумбольдтианства, структуральной лингвистики, хомскианства и других) и семиотике².

Преодолевая идеалистический подход в понимании процессов исторического развития человеческого общества, согласно которому его определяющим фактором является развитие идей, сознания, «духа», абсолютной идеи, и в противоположность ему К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули положение о том, что таким решающим в конечном счете фактором является развитие материальных условий жизни человеческого общества. Это положение было сформулировано ими уже в «Немецкой идеологии», в ходе критического анализа философии неогегельянцев, сводивших историческое развитие человеческого общества и его определяющие факторы к борьбе идей, к развитию сознания, «духа». К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают в этой связи четыре основных момента материальной жизни человеческого общества: 1) производство средств, необходимых для удовлетворения элементарных потребностей людей в еде, питье, жилище и т. п.; 2) возникновение новых потребностей людей в результате удовлетворения этих элементарных потребностей; 3) производство самих людей и формирование отношений между мужем и женой, родителями и детьми, т. е. возникновение семьи; 4) наличие определенного способа производства, определенной промышленной ступени, связанной с определенным способом совместной деятельности [24, с. 26—29].

«Таким образом, — заключают К. Маркс и Ф. Энгельс, — уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства и так же стара, как сами люди, — связь, которая принимает всё новые формы, а следовательно представляет собой „историю“... Лишь теперь, после того, как мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных, исторических отношений, мы находим, что человек обладает также и „сознанием“. Но и им человек обладает в виде „чистого“ сознания не с самого начала. На „духе“ с самого начала лежит проклятие — быть „отягощенным“ материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [24, с. 28—29].

Это высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса содержит в себе ряд основополагающих принципов, которые получили дальнейшее развитие в их научном творчестве. Во-первых, здесь в аспекте исторического материализма утверждается вторичность сознания, «духа» по отношению к общественному бытию, что в дальнейшем вылилось в классическую формулу К. Маркса, согласно которой «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [25]. Диалектический характер постановки вопроса о соотношении материальных условий жизни и общественного сознания как факторов развития человеческого общества в рамках материалистического понимания истории, разработанного К. Марксом и Ф. Энгельсом, состоит в том, что, указывая на решающую роль первых, они вместе с тем отметили, что второе, т. е. общественное сознание, также оказывает активное воздействие на ход исторических процессов. Так, Ф. Энгельс в письме к В. Боргиусу следующим образом характеризовал соотношение этих

---

² С позиций марксистско-ленинской философии эти направления буржуазной философии, языкознания и семиотики уже были предметом серьезного критического рассмотрения (см., например, [19—23] и целый ряд других исследований). Однако они до сих пор пользуются большим влиянием в зарубежной философии, языкознании и семиотике, и, в известной степени, также в соответствующих отраслях и советской науки, почему задача их критического преодоления остается актуальной и в настоящее время.

двойного рода факторов: «а) Политическое, правовое, философское религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что только оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в *конечном счете* всегда прокладывающей себе путь» [26]. Это положение в еще более развернутом виде формулируется Ф. Энгельсом в письме к Блоху [27, с. 394—395].

Положение марксизма-ленинизма о диалектическом соотношении материального базиса человеческого общества и общественного сознания является тем методологическим принципом, из которого следует исходить и при решении таких вопросов, как соотношение общества и языка, являющегося продуктом общественного развития, взаимоотношения общественно-трудовой деятельности, мышления и сознания, а также языка в процессе их возникновения и развития. Так, при решающей роли экстралингвистических общественных факторов в развитии языка должна учитываться и активная роль языка в процессах общественного развития; точно так же признание определяющей роли общественно-трудовой деятельности не означает отрицания активной роли мышления, сознания и языка. Аналогичным образом решается вопрос о соотношении языка и мышления как в диахронном, так и в синхронном плане: не будучи определяющим компонентом в том диалектически противоречивом единстве, в которое он входит, язык оказывает известное обратное влияние на мышление и сознание, на познавательную деятельность человеческого мышления.

Вместе с тем в приведенном выше высказывании К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии» первичность материального и вторичность идеального усматривается не только в том, что идеальное есть результат отражения существующей независимо от человека действительности и является продуктом мозга как наиболее высокоорганизованной формы материи (эти аспекты основного философского вопроса получили обоснование и развитие в позднейших работах К. Маркса, Ф. Энгельса, а затем В. И. Ленина), но и в том, что язык функционирует как средство осуществления абстрактного, обобщенного мышления. Это же положение выдвигается и в некоторых других, более ранних работах К. Маркса. Так, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» им сформулировано следующее положение: «Даже элемент самого мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли — *язык*, — имеет чувственную природу» [28, с. 125].

В это положение К. Маркса и Ф. Энгельса в настоящее время могут быть внесены некоторые дополнения. Так, в качестве необходимого средства осуществления абстрактного, обобщенного мышления выступает не только материальная, чувственная сторона естественного языка, но и другие, невербальные формы материальных, чувственных по своей природе знаков, как, например, язык жестов у глухонемых, воспринимаемые посредством осязания жесты у слепоглухонемых [29], математические символы и др.

Кроме того, следует иметь в виду, что познание происходит не только в процессе абстрактного, обобщенного мышления, осуществляемого в форме понятий, суждений, умозаключений и т. п. В этом процессе на его определенных, особенно начальных, ступенях большую роль играет и образное, чувственно-наглядное по своей природе мышление, которое не нуждается в вербальных средствах своего осуществления³. Такой двойственный характер мышления и познавательного процесса, их различная природа, в частности, проявляющаяся в отношении к языку или материальным знакам невербального типа, особенно наглядно демонстрируется установленным в последние два десятилетия фактом

³ Это положение было нами обосновано еще в 1957 г. [см. 30].

функциональной асимметрии правого и левого полушарий головного мозга. Суть этого явления состоит в том, что у правшей левое полушарие головного мозга ведаёт абстрактным, обобщенным мышлением, логическими рассуждениями, а вместе с тем вербальной речью, а также письмом и счетом, в то время как правое полушарие функционирует как материальный субстрат образного, чувственно-наглядного мышления, и в том числе музыки.

Указанное выше положение К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии» некоторые авторы истолковывают буквально, в том смысле, что к языку ими якобы относится только материальная, знаковая сторона. Однако эти авторы не учитывают контекста, в котором это положение выдвинуто: К. Марксу и Ф. Энгельсу в противоположность неогегельянцам, декларирующим положение о существовании некоего «чистого» сознания, «духа» как первичной, определяющей сущности, здесь было важно подчеркнуть зависимость идеального от *материальной* стороны языка. Ошибочно понятое положение К. Маркса и Ф. Энгельса используется этими авторами для обоснования тезиса о том, что не только фонемы, но и такие языковые единицы, как морфема, слово, словосочетание и предложение, не включают в свой состав значений того или иного рода, являющихся особыми идеальными образованиями. Поэтому, по их мнению, неверно также говорить, что в языке в той или иной степени закрепляются результаты познавательной деятельности человеческого мышления, ввиду чего названные выше языковые единицы и объявляются ими знаковыми по своей природе.

Если бы дело обстояло подобным образом, то, к примеру, такие отрасли языкознания, как семасиология и лексикология, оказались бы беспредметными. Что касается К. Маркса и Ф. Энгельса, то известно, что в процессе занятий многими философскими вопросами они проводили обширные исследования значений слов как в синхронном, так и в диахронном плане и много занимались этимологическими исследованиями. Известно также, что В. И. Ленин рассматривал язык в его историческом развитии как один из основных источников по истории человеческого познания, что, по его мнению, наряду с историей развития отдельных наук, умственного развития ребенка и животных история развития языка входит в число тех областей, «из коих должна сложиться теория познания и диалектика» [31, с. 314]. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин указывает также, что «всякое слово (речь) уже *обобщает*», что «чувства показывают реальность; мысль и слово — общее» [31, с. 246].

В нередко цитируемом высказывании К. Маркса, согласно которому «название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях — фунт, талер, франк, дукат и т. д. — изглаживается всякий след отношения стоимостей» [32, с. 110], имеется в виду только материальная сторона слова (название!), но, конечно, не отрицается наличие у нарицательного слова значения, которое является образом соответствующей вещи и потому подобно, сходно с ней. Не случайно поэтому, что в цитате в качестве примера К. Маркс приводит собственное имя *Яков*. Ведь как раз собственное имя вне акта соотнесения с соответствующим объектом не имеет какой-либо идеальной стороны в виде образа соответствующего объекта — в этом состоит его существенное отличие от нарицательного имени⁴.

Таким образом, не может быть сомнений в том, что классики марксизма-ленинизма рассматривали язык как такое общественное явление, которое наряду с материальной стороной включает в себя идеальную сторону, и что в ней, по их мнению, результаты познавательной деятельности человеческого мышления, осуществляющейся в процессе общественной практики человека, фиксируются в виде образов (в гносеологическом смысле), имеющих ту же природу, что и содержательная сторона абстрактного, обобщенного мышления.

⁴ См. подробнее [33].

Во-вторых, в приведенном выше высказывании К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии» отмечается, что сознание, а следовательно, и мышление становятся реальными, действительными, существующими и для других и лишь тем самым также и для самого субъекта явлениями только потому, что они осуществляются посредством языка, одна из сторон которого имеет материальный, чувственный характер. В другом месте К. Маркс и Ф. Энгельс в этой связи пишут: «Язык есть непосредственная действительность мысли» [24, с. 448].

В-третьих, здесь сформулировано положение о том, что ни язык, ни человеческое сознание и мышление не предшествуют друг другу в генезисе во временном отношении — они возникают одновременно.

Вместе с тем К. Маркс и Ф. Энгельс выступили с критикой абсолютизации роли языка в процессах мышления и познания, против положения о том, что язык есть единственная данная человеку реальность, положения, которое является краеугольным камнем ряда современных философских буржуазных направлений (лингвистической философии, герменевтики, экзистенциализма), предшественниками которых с полным основанием можно считать уже неогегельянцев. Критикуя неогегельянцев по этому вопросу, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Так же, как философы обособили мышление в самостоятельную силу, так должны были они обособить и язык в некое самостоятельное, особое царство» [24, с. 448]. Между тем «...ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они — только *проявления* действительной жизни», — писали они в этой же работе [24, с. 449]. Это высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса звучит весьма злободневно, если иметь в виду также и некоторые лингвистические направления, например, неогумбольдтианство как в его европейской разновидности (Вайсгербер и др.), так и в его американской форме (этнолингвистика Сепира — Уорфа), основной тезис которых состоит в том, что любой язык якобы *жестко* детерминирует характер познавательной деятельности носителя соответствующего языка, определяет сам тип его мышления, создает особую «языковую картину мира», за пределы которой его носитель якобы не может выйти. Тем самым для сторонников этих направлений в философии и языкознании теряет всякий смысл вопрос об объективности познавательной деятельности человеческого мышления и даже вопрос о том, существует ли вне человека как носителя того или иного языка некая объективная действительность. Иначе говоря, эти направления представляют собой особую разновидность идеалистической философии, которую есть все основания квалифицировать как лингвистический идеализм. Особую форму семиотического идеализма представляет собой и то направление в семиотике, в котором сущность человеческого познания сводится к оперированию со знаками того или иного рода, а его результаты, в том числе и любая наука, рассматриваются лишь как система знаков.

Далее, из приведенного выше высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса следует, что язык не может рассматриваться и как основная причина или решающий фактор возникновения специфически человеческого мышления. Противоположную точку зрения развивают некоторые советские исследователи, как, например, Б. Ф. Поршнев. Уже в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самую свою материальную жизнь» [24, с. 19]. В последующих трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, и в особенности в работе последнего «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», это положение об общественно-трудовой деятельности как факторе, сыгравшем решающую роль в становлении самого человека и возникновении абстрактного, обобщающего мышления, а вместе с тем и языка, получило фундаментальное обоснование. Как писал Ф. Энгельс, труд — «первое основное условие всей человеческой жизни,

и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [34, с. 486]. Вместе с тем следует иметь в виду, что возникновение языка является необходимым условием становления абстрактного, обобщенного мышления, поскольку последнее могло осуществляться, только опираясь на язык, включающий в свой состав материальную сторону, которая только и могла выступать в знаковой функции, т. е. в качестве заместителя, представителя для мышления возникающего человека таких абстрактных образований, как формирующиеся понятия о классах предметов и явлений объективной действительности. Нельзя также не учитывать, что, возникнув вместе с абстрактным, обобщенным мышлением, язык в свою очередь начинает оказывать известное обратное воздействие на развитие этого первого члена того диалектически противоречивого единства, которое они образуют в совокупности, т. е. становится одним из факторов дальнейшего развития специфически человеческого мышления и его субстрата, т. е. мозга. Так, Ф. Энгельс в своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» писал по этому поводу следующее: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем своем сходстве с обезьяньим далеко превосходит его по величине и совершенству» [34, с. 490].

В-четвертых, в данном высказывании К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии» по существу уже выделены две функции языка — 1) «язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание» и 2) «и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [24, с. 29]. Иначе говоря, с одной стороны, язык выступает как средство осуществления специфически человеческого мышления, т. е. в экспрессивной функции⁵, а с другой стороны, как средство общения, средство удовлетворения потребности в общении, т. е. в коммуникативной функции.

В последнее время широко дискутируется вопрос о соотношении этих языковых функций. Очевидно, что потребность в общении, потребность сказать что-либо кому-либо предполагает наличие в мышлении говорящего того, что он намерен сообщить собеседнику, и акт коммуникации, следовательно, есть вместе с тем акт осуществления специфически человеческого мышления. Таким образом, в процессе общения одновременно осуществляется и экспрессивная функция языка. Специфический характер в этом отношении имеет только частный случай осуществления коммуникативной функции, а именно, так называемая фатическая «функция» языка.

Можно также предполагать, что в начальный период возникновения и становления абстрактного, обобщенного мышления и языка любой акт мышления осуществлялся в форме внешне выраженной речи независимо от наличия или отсутствия адресата и, следовательно, в этот период существовала лишь одна неотдифференцированная языковая функция. Вместе с тем, имея в виду, что сознание и язык возникают лишь в результате появления потребности в общении, можно полагать, что на первых этапах становления и развития человека такие внешне выраженные акты речи имели место только в процессе общения, т. е. при наличии адресата.

---

⁵ Единого, устоявшегося термина для обозначения этой функции в языковедении не существует. Особенно много различных терминов для ее обозначения было предложено в последнее десятилетие. Некоторые из них явно неудачны, как, например, термин *гносеологическая функция*, который употребляется как синоним термину *познавательная функция*. Гносеология есть теория познания, философское учение о познании, и термин *гносеологическая функция* в переводе на русский язык буквально означает *теоретико-познавательная функция*, что, во-первых, не отвечает природе обозначаемой функции, а во-вторых, отнюдь не является синонимом термина *познавательная функция*.

Наконец, наиболее существенным компонентом концепции К. Маркса и Ф. Энгельса о языке, развитой ими в «Немецкой идеологии», а затем и в более поздних работах, является трактовка языка вместе с сознанием как общественных, социальных по своей природе явлений. Социальная природа языка усматривалась ими не только, и, может быть, не столько в том, что он возникает благодаря появлению потребности в общении и используется в человеческом обществе как средство общения, как это полагают представители так называемого социологического направления в зарубежной лингвистике. Вопрос о природе языка рассматривался К. Марксом и Ф. Энгельсом как часть более широкой проблемы социальной сущности самого человека.

Концепция социальной природы человека является важнейшим составным компонентом марксистско-ленинской философии. Характеризуя социальную сущность человека, К. Маркс писал: «Человек есть в самом буквальном смысле ζῷον πολιτικόν*, не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленного одиночки вне общества — редкое явление, которое может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и динамически уже содержащим в себе общественные силы, — такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидуумов» [35, с. 710].

В другой работе К. Маркса это положение получает дальнейшее развитие и еще более обобщенную и глубокую трактовку. Он писал по этому поводу следующее: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [36, с. 262].

Социально детерминированы и сама способность человека к абстрактному, обобщенному мышлению, и, следовательно, результаты мыслительной деятельности человека, т. е. его сознание. Этим обусловлено то качественное различие, которое существует между характером отражения действительности человеком, с одной стороны, и любым, даже самым высокоорганизованным животным, вроде человекообразных обезьян, с другой стороны.

В зоопсихологии и антропологии по вопросу о характере познавательной деятельности животных сравнительно с таковой же человека в настоящее время высказываются прямо противоположные точки зрения. Некоторые зоопсихологи (Л. А. Фирсов) выдвинули положение, согласно которому высшие человекообразные обезьяны так же, как и человек, способны к понятийному мышлению. Таким образом, отрицается наличие какого-либо принципиального различия между мыслительной деятельностью человека и таких животных, как человекообразные обезьяны. Но тем самым ставится под сомнение и то положение марксистско-ленинской философии, что мышление человека есть продукт его длительного социального развития, что человеческий мозг, способный к понятийному мышлению, сформировался под воздействием социальных факторов в процессе его общественно-трудовой деятельности, о наличии которой у высших человекообразных обезьян едва ли возможно говорить — у них есть лишь орудийная деятельность, и она, к тому же, не имеет сколько-нибудь систематического характера. Что касается экспериментальных данных, которые послужили Л. А. Фирсову основой для такого рода выводов, то они могут получить и иное объяснение [37, с. 35]. Поэтому сохраняет свою актуальность следующее положение, сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Немецкой идеологии»: «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не „относится“ ни к чему и вообще не „относится“, для животного его отношение к другим не существует как отношение. Сознание, следовательно, с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди» [24, с. 29].

* — общественное животное (Аристотель. «Политика», т. I, гл. 1). Ред.

По существу те же основополагающие философские принципы марксистско-ленинской теории социальной сущности человека не учитываются и сторонником другой крайней точки зрения по этому вопросу, Б. Ф. Поршневым, известным советским историком и антропологом, по мнению которого понятийное мышление возникло лишь 30—40 тысяч лет тому назад, когда сформировался современный антропологический тип *Homo sapiens*, т. е. со времени появления кроманьонца, причем решающая роль в этом процессе им отводится возникновению языка. Что касается неандертальцев и тем более других, более ранних предков человека, то, по мнению Б. Ф. Поршнева, они не обладали способностью к понятийному мышлению, не имели языка, а их трудовая деятельность целиком носила инстинктивный характер, подобно орудийной деятельности животных [38].

Концепция Б. Ф. Поршнева находится в явном противоречии с многочисленными археологическими данными, особенно последнего десятилетия. Так, археологами установлено, что неандертальцы не только изготовляли различные орудия труда, но и строили настоящие жилища (раскопки в окрестностях Ниццы и Терра Амата, раскопки на Днестре) и у них уже имелись зачатки изобразительного искусства. Установлено, что даже австралопитеки более 1,5 млн. лет тому назад не только умели использовать огонь и поддерживать его, но и пользовались кремневыми кресалами для того, чтобы развести костер (археологические находки в Кении около озера Баринчо).

Марксистская концепция социальной природы человека, согласно которой в его происхождении и формировании решающую роль играли социальные, а не биологические факторы, находит свое подтверждение и в генетических исследованиях последнего времени. Так, исследуя гены человека, шимпанзе и гориллы, биохимик А. С. Вильсон, антрополог В. М. Сарих из Калифорнийского университета в Беркли (США) установили, что эти виды по своему наследственному веществу, т. е. генам, отличаются друг от друга только на 1 или 2 процента, причем различия в этом отношении между человеком и шимпанзе, человеком и гориллой не больше, чем между шимпанзе и гориллой. Таким образом, те громадные различия между человеком и шимпанзе или гориллой, которые имеются между ними, нельзя считать биологически, наследственно закрепленными в генетическом веществе как субстрате биологического наследования, по крайней мере, в их основных параметрах [39]. Следовательно, то, что можно считать специфически человеческим, фиксируется не биологическим механизмом наследования в виде генов, а обусловлено принципиально новым по сравнению с животным миром механизмом наследования, а именно социальным [40].

Сушествено, что аналогичные результаты получены при исследовании белков крови (антигенов) человека и человекообразных обезьян. При их введении в организм кролика по характеру реакции его организма, а именно выработке антител на введенные антигены, можно судить о степени сходства этих последних. Эта степень определяется как индекс непохожести (ИН). У любых двух человек этот индекс будет равен единице, что свидетельствует об идентичности белков их крови. Между же человеком и шимпанзе этот индекс непохожести равен всего 1,17 единицы, в то время как между человеком и капуцином он равен 4,64 единицы, человеком и макакой-резусом — 2,38 единицы. Это свидетельствует о том, что человек, шимпанзе и горилла имеют общих предков, т. е. что они являются как бы двоюродными братьями⁶. Интересно, что индекс непохожести между человеком и гиббоном оказался значительно большим, чем между человеком и шимпанзе, т. е. родство между человеком

⁶ Некоторые палеонтологи (Р. Лики и Р. Ловин) в последнее десятилетие выдвинули точку зрения, согласно которой человек происходит от ископаемых рамапитеков, живших 15—20 млн. лет назад. Данные молекулярной антропологии свидетельствуют пользу другой, ранее сформулированной концепции о том, что человек и шимпанзе (гориллы) имеют общих предков и что их отделение от общей ветви эволюции произошло около 5 млн. лет тому назад [39].

и гиббоном следует считать более отдаленным, чем между человеком и шимпанзе или гориллой [39].

Если человек есть продукт социального развития, то и язык есть явление социальное по своей природе, продукт социального развития. К. Маркс в этой связи, в частности, указывает на ту существенную близость, которая обнаруживается между таким сугубо общественным явлением, как стоимость, и языком. Так, останавливаясь на том, как отражается в мозгу индивидуальных производителей двойственный характер общественного труда, создающего потребительные стоимости, а тем самым и стоимости, он пишет: «Следовательно, люди сопоставляют продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают ²⁷. Таким образом, у стоимости не написано на лбу, что оно такое. Более того: стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык» [32, с. 84].

Существенно, что здесь К. Марксом проводится аналогия между характером отношения стоимости к потребительной стоимости, с одной стороны, и характером отношения между материальной стороной языковой единицы, т. е. знаком, или иероглифом в терминологии К. Маркса, и тем значением, которое он представляет, репрезентирует. Как стоимость сама по себе ничего не говорит о характере потребительной стоимости, так и материальный языковой знак не имеет ничего общего с тем значением, знаком которого он является. Как стоимость создается только тогда, когда в процессе труда производится определенная потребительная стоимость, т. е. общественно полезный продукт, так и тот или иной материальный объект становится знаком только в том случае, если для адресанта и адресата речи он представляет какое-либо определенное значение и тот объект, который отражается в этом значении.

Концепция К. Маркса и Ф. Энгельса о социальной сущности языка получила свое концентрированное выражение в их уже ранее приведенной формуле, согласно которой «...ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, ...они — только *проявления* действительной жизни» [24, с. 449]. Вместе с тем язык является одним из необходимых условий и факторов происхождения и развития человека как социального существа. Язык возникает в силу настоятельной потребности в общении формирующихся людей. Без такого средства общения люди не могли бы возникнуть и развиваться как социальные существа, и в этом смысле язык является необходимым условием становления и существования самого человеческого общества.

Социальная сущность и роль языка состоят и в том, что благодаря ему становится возможным и само специфически человеческое абстрактное, обобщенное мышление и сознание, что только благодаря ему они становятся действительными, реальными явлениями.

Существенная социальная роль языка состоит и в том, наконец, что он, наряду с материальной и духовной культурой, общественным производством и совокупностью общественных отношений, является одним из важнейших компонентов механизма социального наследования, который возникает вместе с возникновением человека и развитием человеческого общества как более высшая, социальная форма наследования по сравнению с биологической формой наследования, существующей в животном и растительном мире.

Для того, чтобы судить о значимости того вклада, который внесли не только в философию, но и в языковедение К. Маркс и Ф. Энгельс, выдвинув и обосновав концепцию социальной природы языка, следует

имств в виду, что в современном им языкознании получил широкое распространение ряд направлений, базирующихся на ином понимании природы языка как предмета языкознания. В частности, возникновение дарвинизма оказало свое влияние и на языкознание того времени, что нашло свое выражение в создании так называемого натуралистического направления, виднейшими представителями которого были Август Шлейхер и Макс Мюллер. Это направление рассматривало язык как своего рода организм, возникновение и развитие которого происходит по тем же биологическим законам, что и в животном и растительном мире.

Концепция К. Маркса и Ф. Энгельса о языке как социальном по своей сущности явлении противостояла и другому направлению в языкознании того периода — психологическому, которое рассматривало языкознание как психологическую науку.

В современном зарубежном языкознании последних лет также развиваются теории, имеющие немало общего с основными принципами натуралистического языкознания XIX в. Это можно сказать, например, о лингвистической концепции Леннеберга и, в известной степени, Н. Хомского. Поэтому разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом концепция социальной сущности языка является весьма актуальной и плодотворной и на современном этапе развития лингвистики.

В зарубежном и советском языкознании уже многие десятилетия ведется оживленная дискуссия о том, является ли языкознание гуманитарной, естественной или естественно-гуманитарной наукой. Высказанные по этому вопросу прямо противоположные точки зрения базируются на определенном понимании языка как предмета языкознания. Если вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом исходить из того, что язык есть социальное по своей природе явление, то по этому вопросу может быть дан однозначный ответ — по своему предмету языкознание есть гуманитарная наука. Факт наличия в языке наряду с идеальной стороной также и материальной стороны не противоречит этому положению, ибо материальная сторона языка, его фонетический строй также социализованы. Язык представляет собой одну из разновидностей высшей формы движения материи — социальной, и в этом качестве он и выступает как предмет языкознания.

В основе любой более высокой формы движения материи лежат низшие формы ее движения. Разграничивая объект и предмет науки, правомерно полагать, что лежащие в основе языка как объекта низшие формы движения материи могут и должны быть предметом других наук. Так, например, звуковая сторона языка входит в предмет исследования акустики как раздела физики. Артикуляции органов речи могут быть предметом исследования физиологии и т. д.

Более того, высшие формы движения материи должны быть объяснены путем исследования низших форм ее движения. Однако при таком объяснении не должна быть утеряна специфика высшей формы движения материи. Эти общие принципы имеют силу и при решении вопроса о природе языка как предмета языкознания, о характере языкознания как науки и его соотношении с естественными науками.

Признание языка социальным явлением не означает отрицания внутренних законов его развития и функционирования, на что в свое время обратил внимание еще Ф. Энгельс. «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, — писал он, — объяснить экономически... происхождение верхненемецкого передвижения согласных, превратившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судет до Таунуса, в настоящую трещину, проходящую через всю Германию» [27, с. 395].

Решение этого вопроса с позиций марксистско-ленинской философии состоит в том, что, не отрицая в отличие от вульгарного социологизма наличия внутренних законов развития языка, не объясняя его развитие одними лишь экстралингвистическими факторами, эти внутренние законы следует рассматривать как один из видов социальных законов, который обладает некоторыми специфическими чертами по сравнению с законами

развития других социальных явлений. В этом, очевидно, и состоит диалектика соотношения экстралингвистических и внутрилингвистических факторов возникновения, функционирования и развития языка как социального явления особого рода.

Диалектико-материалистическая философия К. Маркса и Ф. Энгельса представляет собой качественно новый этап в развитии философского материализма. Уже в одной из своих наиболее ранних работ К. Маркс писал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная сторона*, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [41; см. также 24, с. 44].

Деятельностный подход был осуществлен К. Марксом и Ф. Энгельсом и при решении проблемы происхождения и развития мышления и сознания человека, а вместе с тем и языка. О плодотворности этого подхода и его новаторском характере свидетельствует то обстоятельство, что он получил свое применение и дальнейшее развитие в современной психологии и языкознании. К. Маркс в одной из своих более поздних работ определяет деятельностный подход к исследованию мышления и языка следующим образом: «Но люди никоим образом не начинают с того, что „стоят в этом теоретическом отношении к предметам внешнего мира“. Как и всякое животное, они начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не „стоять“ в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства.) Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов „удовлетворять потребности“ людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и „теоретически“ отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира. Это неизбежно наступает, так как они находятся в процессе производства, т. е. в процессе присвоения этих предметов, постоянно в трудовой связи между собой и с этими предметами, и вскоре начинают также вести борьбу с другими людьми из-за этих предметов. Но это словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям, уже живущим в определенной общественной связи {это — предположение, необходимо вытекающее из наличия речи}, определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей. Люди только дают этим предметам особое (родовое) название, ибо они уже знают способность этих предметов служить удовлетворению их потребностей, ибо они стараются при помощи более или менее повторяющейся деятельности овладеть ими и таким образом также сохранить их в своем владении; ...

Итак: люди фактически начали с того, что присваивали себе предметы внешнего мира как средства для удовлетворения своих собственных потребностей и т. д. и т. д.; позднее они приходят к тому, что и *словесно обозначают их как средства удовлетворения своих потребностей*, — каковыми они уже служат для них в практическом опыте, — как предметы, которые их „удовлетворяют“» [42].

В этом высказывании К. Маркса сформулирован ряд принципов, получивших дальнейшее развитие в работе Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» и в исследованиях, посвященных проблеме формирования сознания и языка человека в антропогенезе и онтогенезе. Во-первых, здесь конкретизируется выдвинутое

в «Немецкой идеологии» положение о роли практической, общественно-трудовой деятельности в происхождении абстрактного, обобщенного мышления человека и языка как средства его осуществления. Во-вторых, здесь по существу сформулировано положение об интериоризации как принципе превращения актов общественно-трудовой деятельности в соответствующие умственные действия, т. е. механизме возникновения понятий и других абстрактных образований в процессе антропогенеза.

Есть все основания полагать, что путем интериоризации внешне выраженной речи возникла и внутренняя речь, которая в процессе своего дальнейшего развития приобрела некоторые специфические особенности по сравнению с внешне выраженной речью.

Внутренняя речь современного человека как интрасубъектное явление имеет весьма различный характер (ср. такие ее полюсы, как внутренняя речь в процессе формирования мысли, с одной стороны, и проговаривание про себя, с другой стороны). Это затрудняет ее определение как особого предмета исследования, выделяемого в ее противопоставлении внешне выраженной речи как интерсубъектному явлению. Однако все виды внутренней речи объединяет то, что они представляют собой внутрисубъектные явления. В этом качестве все они противопоставляются внешне выраженной речи как объективному явлению в ее материальной части и потому доступной восприятию адресата. Это дает достаточные основания выделять внутреннюю речь, несмотря на различия, которые существуют между различными ее видами по их структуре и функциональной роли в процессах мышления, как особое явление, противопоставляемое внешне выраженной речи. Очевидно, что и само понятие интериоризации как в антропогенезе, так и в онтогенезе приобретает существенное теоретическое значение только в случае признания наличия сущностного различия между внутренней речью в совокупности ее разновидностей и внешне выраженной речью.

Как основа механизма формирования психики в процессе онтогенеза интериоризация рассматривается и в современных концепциях умственного развития ребенка. Исследования, посвященные умственному развитию слепоглухонемых детей [см. 29] в процессе их обучения, также показали, что решающую роль в этом играет формируемая воспитателем практическая деятельность этих детей с последующей интериоризацией ее компонентов.

Таким образом, последующие исследования в ряде различных направлений науки показали большое методологическое значение принципов, сформулированных в этой и ряде других работ К. Маркса и Ф. Энгельса, для решения проблемы антропогенеза, и, в частности, формирования специфически человеческого абстрактного, обобщенного мышления и языка; проблемы умственного развития в онтогенезе; проблемы формирования сознания и языка у слепоглухонемых детей и др.

XIX век характеризуется утверждением принципа историзма в различных областях знания, согласно которому те или иные явления надлежало рассматривать в их историческом изменении. Сравнительно-исторический метод становится основным при исследовании таких явлений культуры, как язык, фольклор и этнография. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценивали сравнительно-историческое языкознание XIX в. и сами немало сделали в области сравнительно-исторического изучения ряда языковых семей. Ф. Энгельс выступил с резкой критикой Е. Дюринга, который чисто описательные грамматики рассматривал как высший этап развития языкознания. «Но ведь „материя и форма родного языка“, — писал Ф. Энгельс, — становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам» [43, с. 333].

В материалистической диалектике понятие исторического изменения любого явления сопряжено с понятием его исторического развития, предполагающего переход от одного качественного состояния к другому,

и притом не только прогрессивного, но и регрессивного характера, не только от простого к сложному, но и от сложного к простому [43, с. 22—23; 44, с. 354, 363, 621]. Оно противостоит, в частности, трактовке языкового изменения в структуральной лингвистике, поскольку представители этого направления в языкознании по существу исключают из него понятие исторического развития, что связано с пониманием языка как системы чистых отношений [45].

У К. Маркса мы находим прямые высказывания, свидетельствующие о том, что языки рассматривались им как исторически развивающиеся явления, характеризующиеся разной степенью своего развития. Так, говоря о законах материального производства вообще и различных его типов, К. Маркс пишет: «*Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Между тем это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многократно расчлененное, выражающееся в различных определениях. Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам. Некоторые определения общие и для новейшей и для древнейшей эпохи. Без них немыслимо никакое производство; хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» [35, с. 711].

К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли большое внимание проблеме развития языка, обусловленного сменой различного типа исторических общностей людей (рода, племени, народности и нации), также в рамках разработанной ими концепции исторического развития человеческого общества, перехода от одной общественно-исторической формации к другой. В частности, ими фундаментально разработаны вопросы о формировании национального и литературного языков при переходе от феодализма к капитализму, соотношении литературного языка и территориальных диалектов, роли единого национального языка в процессах возникновения наций. В «Немецкой идеологии» они писали: «...в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией» [24, с. 427].

Проблема формирования национальных языков, принципы национальной языковой политики при решении национального вопроса в условиях капитализма и социализма получили дальнейшую разработку в трудах В. И. Ленина.

Концепция К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о языке не охватывает всего круга теоретических вопросов, бывших предметом исследования в современном им языкознании и на последующих этапах его развития. Но созданная ими философия диалектического и исторического материализма имеет непреходящее значение для правильного решения всего комплекса теоретических и, в особенности, философских вопросов современного языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туров Т. М. Хрестоматия по языкознанию. Вып. 1. Высказывания классиков марксизма-ленинизма о языке. Благовещенск, 1932.
2. Ленинская хрестоматия о языке. Сост. Ломтев Т. и Лойя Я. Под ред. Бочарова М. Н. и Данилова Г. К. М.—Л., 1932.
3. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о проблемах языка и мышления. С предисловием Марра Н. Я. Л., 1933.
4. Иванов П. Г. Вопросы языка в высказываниях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, академика Марра и Максима Горького. Саранск, 1934; 2-е изд.—1935.
5. Рыт Е. М. Ленин о языке и язык Ленина. М., 1936.

6. Классики марксизма-ленинизма о языке и стиле.— В кн.: Язык газеты. Под ред. Кондакова Н. М. М.—Л., 1941.
7. Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
8. Энгельс и языкознание. М., 1972.
9. *Дмитриев П. А., Мокшенок В. М.* Классики марксизма-ленинизма и славянская филология. Л., 1982.
10. Marx, Engels, Linjin o jeziku. Izbor, redakcija i predovor Mr. Mirko Čanadonović, prevod Mirjana Roškov. Beograd, 1970.
11. Karl Marx, Friedrich Engels über Sprache, Still und Übersetzung. Berlin, 1974.
12. Problémy marxistické jazykovědy. Praha, 1962.
13. O marxistickú jazykovědu v CSSR. Bratislava, 1974.
14. K marxistické metodologii v jazykovědě. Praha, 1980.
15. *Petr J.* Slavistické zájmy K. Marxe a V. Engelse. Praha, 1976.
16. *Petr J.* Klasikové marxismu-leninismu o jazyce. Úvodní studie a výběr textů z Marxova, Engelsova a Leninova díla. Praha, 1977.
17. *Petr J.* Filozofie jazyka v díle K. Marxe a V. Engelse. Praha, 1980.
18. *Андропов Ю.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР.— Коммунист, 1983, № 3, с. 22.
19. *Ермолаева Л. С.* Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании.— В кн.: Проблемы общего и частного языкознания. М., 1960.
20. *Гузман М. М.* Лингвистическая теория Л. Вейсгербера.— В кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
21. *Albrecht E.* Bestimmt die Sprache unser Weltbild? Zur Kritik der gegenwärtigen bürgerlichen Sprachphilosophie. Berlin, 1972.
22. *Панфилов В. З.* Язык, мышление, культура.— ВЯ, 1975, № 1.
23. *Чесноков П. В.* Неогумбольдтианство.— В кн.: Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977.
24. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Соч. 2-е изд., т. 3.
25. *Маркс К.* К критике политической экономии.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.
26. *Энгельс Ф. В.* Боргиусу. 25 января 1894 г.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 175.
27. *Энгельс Ф.* Йозефу Блоху. 21 [22] сентября 1890 г.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37.
28. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42.
29. *Мещеряков А. И.* Слепоглухонемые дети. Развитие психики. М., 1974.
30. *Панфилов В. З.* К вопросу о соотношении языка и мышления.— В кн.: Мышление и язык. М., 1957.
31. *Ленин В. И.* Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29.
32. *Маркс К.* Капитал. Т. I. Кн. 1.— *Маркс К. и Энгельс Ф.*, Соч. 2-е изд., т. 23.
33. *Панфилов В. З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982, с. 62—63, 66.
34. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20.
35. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857—1858 годов).— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12.
36. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе (текст 1845 года).— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 42.
37. *Панфилов В. З.* О некоторых аспектах социальной природы языка.— ВЯ, 1982, № 6.
38. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
39. *Черфас Дж. и Гриббин Дж.* Когда появились первые люди на Земле?— За рубежом, 1983, № 3.
40. *Дубинин Н.* Наследование биологическое и социальное.— Коммунист, 1980, № 11.
41. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.
42. *Маркс К.* Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии».— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 377—378.
43. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20.
44. *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20.
45. *Будагов Р. А.* Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977, с. 215—237.